



## СТАРАЯ ФОТОГРАФИЯ

### ГЛАВНОЕ, МОЙ ДРУГ, НЕ БОЙСЯ

Дождь закончился. И сразу зачирикали воробьи. Внизу в овраге вновь защёлкали соловьи. Вышел на дачную лоджию, привычно глянул сверху на зелёную садовую шапку с цветными вкраплениями. В глаза бросился растущий вдоль дорожки пышный куст сиреневой монарды. Неожиданно внимание привлёк бодро прыгающий по двору неизвестный птенец. Видно, пробуя силы, спорхнул перед дождём с гнёзда. Спрятался под той же лоджией. Дождь закончился, и он отправился домой.

Вначале он подпрыгал к соседскому забору, но сразу сообразил, что не переберётся через него. Птенец подпархивал, но взлететь с земли ещё не мог.

Тогда он деловито попрыгал вглубь сада, стараясь прыгать по лежащему на влажной земле поливному шлангу, боком. Впрочем, и лужайку пришлось преодолеть. Прыгающий пушистый комочек был настолько мал, что сразу затерялся. Но вскоре я увидел птенца уже на подпирающем террасу листе шифера. Он отряхивался от воды, которой всё-таки набрался в мокрой от дождя траве.

Представил потерявшегося малыша, недавно вставшего на ноги. Как бы он повёл себя? Малыши разные. Один заплакал бы и стал звать маму, а другой, вот как птенец, потихоньку поковылял бы, руководствуясь инстинктом, в сторону своего дома, к которому он столько раз возвращался с прогулок.

Отряхнувшись, птенец спорхнул в сторону дорожки, ведущей к нижним воротам, попрыгал дальше, выбирая твёрдую почву, нырнул под ворота и повернул направо в переулочек.

На меня, следующего за ним по пятам, он не обращал внимания. Да и ни на что другое внимания не обращал. Страх ему был ещё неведом. И он действовал в открытую. Как и любой малыш.

В узком переулке между двух заборов образовалась канава с текущей дождевой водой. Вначале он перепорхнул через неё, но, видно, поторопился. Вернулся и вдоль высокого забора из профиля сквозь кусты, по ухабам допрыгал-таки до места. Ещё раз перепорхнул через канаву и исчез в зарослях за пошатнувшимся старым забором из редких досок. Послышался голос взрослой птицы, его явно приветствовали. И он, кажется, подал, наконец, свой голосок.

Конечно, ему повезло, что не попался шныряющей вокруг соседской кошки Аське. Хотя я бы не позволил ей посягнуть на прыгающее чудо. Получается, и со мной ему повезло.

Птенец был мал и слаб, с ним справилась бы и мышь. Но его упорство, невозмутимость вызвали уважение. Он был явно из тех, кто дерётся не до первой капли крови, а до последней.

Побродил ещё под впечатлением по тихому предвечернему саду.

## КАРТИНА СЕРОЙ КРАСКОЙ

С выходом на пенсию наладился записывать впечатления о незначительных на сторонний взгляд событиях — прогулках с внуками, запомнившейся встрече с незнакомцем, удивившем случае из жизни растений, животных.

Получавшиеся как бы сами собой рассказы раздаю читать приятелям, их даже печатают в местном журнале. Многим нравятся незатейливые строки, настраивающие на радостное восприятие ускользающего бытия.

Но встречаются и упрёки, мол, где суровая правда жизни, не розовые ли у меня очки на глазах.

Не то чтобы это досаждало, ведь словотворчеством занимаюсь в своё удовольствие и писателем себя не считаю.

Но однажды, выслушав в очередной раз жалобы 90-летней матери на ноющие суставы, представил готовящихся к смерти простых стариков по всей России, в основном-то старух. Своей беззащитностью, зависимостью от родни они напоминают послевоенных инвалидов. По словам знакомого ветерана, стук костылей одноногих и безногих молодых фронтовиков по городским мостовым утих уже через несколько лет.

Жизнь передаёт нас смерти. Иногда бережно, бывает, что впопыхах, но чаще с безразличием — как получилось передать, так и получилось.

Перед мысленным взором чередой прошли ушедшие в небытие близкие люди. Бабуля умерла мгновенно, упав с кухонной табуретки. Её помучивало высокое давление. От него же, видно, умерла и тёща, прилётши на кровать отдохнуть. Отец умер во сне от инфаркта, тихо, не вскрикнув, черты его лица не изменились.

Как же я-то буду умирать?

На днях около часа простоял за льготными проездными билетами. Перед заветным окошком женщина из очереди подвела старушку в аккуратном бежевом костюмчике, попросив пропустить её вперёд. Старушка одной рукой опиралась на клюшку, в другой держала пакет с необходимыми документами. Обе руки дрожали. Она была худенькой, со спокойным выражением чистого, интеллигентного лица. Неужели рядом с ней не осталось никого, кто помог бы? Или она до последнего вздоха желала быть самостоятельной, независимой?

Понятно, что лучше умереть в глубокой старости, быстро и ещё на ходу. Но если дело затягивается, а жизнь становится пустой, невыносимой от боли и бессилия, превращая в маленький ад и жизнь окружающих тебя людей? Что же, самому прервать её?

Всё чаще охватывает грусть от увядания, упадка сил. Мышцы слабеют. Волосы седеют и редеют. Где моя непродираемая курчавая шапка?

Бывает, ночами становится не по себе. Мысли о ничёмности своей жизни и всеобщей суете наводят тоску и не дают заснуть. Сердце начинает колотиться и покалывать, от чего душа трепыхается зайцем в волчьей пасти. И хочется уже только одного — не умереть в одночасье, жить и жить ещё.

Вот в чём нерастворимая печаль.

## ГЛОТОК АДРЕНАЛИНА

Жаркий июльский полдень на даче. Отобедав, предвкушаю отдых в прохладной комнате. Вдруг с улицы доносятся неясный шум, вскрики. Посмотрел в широкое кухонное окно — на обрыве, венчающем тихий садовый уголок, пляшут огненные языки. До обрыва рукой подать! А под ним хватает деревьев и сухого валежника.

С молодым задором взлетел по извилистой дороге наверх. Вдоль обрыва полыхало брошенное кладбище с редкими покосившимися оградами. На дороге за ним стояла пожарная машина. Суетились пожарные. Из протянутого шланга била мощная струя воды, и огонь нехотя отступал.

Пожарным помогал парень с лопатой в руках, сообщивший, что сухая трава загорелась от окурка, брошенного из проехавшей машины. По чёрному полю бегала пожилая дачница, просившая ещё раз пролить край обрыва, под которым стоит её дом.

Спустился вниз и подошёл к нему. Не зря женщина беспокоилась — под обрывом задержалось несколько язычков пламени, не спеша подбиравшихся к поваленному сухому дереву. Может быть, они сами бы и потухли. А если нет?

И неожиданно решил залезть наверх и сбить их от греха подальше.

Что повлияло на моё решение? Подъехавшие на велосипедах внуки Никитка с Тёмой, перед которыми захотелось погеройствовать? Подошедшая дачница с поощряющей улыбкой? Или пробившееся во взбудораженной обстановке желание доказать самому себе, что ещё чего-то стою?

Я полез, сразу осознав, что ввязался в дело с неизвестным концом. Ноги то застревали в цепкой траве, то съезжали вниз по крутому песчаному склону. Теряя сланцы, с колотящимся сердцем я упорно карабкался вверх, судорожно цепляясь за ненадёжные ветки кустарников, подтягиваясь за них, и добрался, наконец, до колеблющихся огоньков, затушив их теми же ветками.

Но, когда выбрался на обгоревший обрыв, сразу оказался в окрыляющих объятиях подзабытого чувства свободы. И ощутил явный прилив энергии.

На дачу вернулся воодушевлённым, не чувствуя усталости.

Раздвинуть над собой привычный купол и вдохнуть хмельной аромат упругой жизни — это дорогого стоит, господа!

## ГОРОДСКИЕ МУДРЕЦЫ

На днях встретился с приятелем-фотографом. Как всегда, в его старой лаборатории, тесной от техники и бутафории, за выдавшим виды рабочим столиком с бутылкой коньяка и шоколадкой.

Поделившись друг с другом личным, о чём не говорят с жёнами, перешли к более общим вопросам и проблемам.

Разговор двух давних знакомцев за пустеющей бутылкой со стороны выглядел, должно быть, бессвязным, перескоком с одного на другое. Но это был разговор не для чужих ушей.

Сошлись во мнении, что от всеобщей глупости начинает уже тошнить. А тут ещё Чехов, сказавший в своё время, что у девяноста девяти из ста нет ума. Если собрать бьющие не в бровь, а в глаз чеховские наблюдения из его писем, записных книжек, то есть прямо из жизни, и составить из них монологи, то и современные записные сатирики покажутся глуповатыми парнями.

Прошлись зачем-то по дирижёрам. Некоторые из них повели себя за пультом необычно, страстно, и это поначалу впечатляло не меньше самой музыки. Но когда все пустились строить рожи и жонглировать палочками — стало смешно, а потом и скучно.

Размышляя о жизненных зигзагах, задумались вдруг о смерти, точнее, её запахе. В самом деле, какой он? Труп невыносимо воняет, хотя, как утверждают британские учёные, поначалу он пахнет свежескошенной травой. Но труп — не смерть, хотя и её

продукт. Душа уходит в пятки, мороз дерёт по коже — это всё не запах. Оставили вопрос открытым.

После этого беседа воодушевилась и неожиданно перешла к хокку Басё. Вспомнили его лягушку, прыгнувшую в старый пруд. Читая Басё, понимаешь — в те далёкие времена в Японии жило не сто двадцать пять миллионов человек, а гораздо меньше. Поэтому хватало пустынных мест, полей, неприметных дорог и одиноких хижин. В современной Японии, где ногу негде поставить, певец таких дорог и хижин вряд ли возможен.

Кстати, есть ли в японском языке родное слово, означающее степь? «Степь да степь кругом...» — можно ли спеть по-японски?

Между прочим, я заметил, что женское хныканье и пьяные мужские слёзы раздражают одинаково, а в пустыне и несколько человек толпа, что особой плодовитостью отличаются и гении, и графоманы, а беспринципность тоже является принципом...

После чего согласно поддакивающий приятель назвал меня городским мудрецом.

Услышать похвалу всегда приятно, хотя сразу припомнился городской сумасшедший. Впрочем, городской сумасшедший может по совместительству оказаться и мудрецом. Как говорится, и швец, и жнец, и на дуде игрец. Ангел и чёрт мирно уживаются в человеке.

С последним тостом пришли к выводу, что кошки прилапили людей.

Кстати, разве не говорят о едином человеческом праязыке наши меньшие братья? Ведь в любом краю те же кошки мяукают, собаки лают, волки воют, слоны трубят, а воробьи чирикают одинаково, обходясь без переводчиков.

У меньших братьев мозги-то остались прежними.

## ЗАКАВЫКА

Всё чего-то не хватает для ощущения полноты жизни, какого-то заключительного аккорда.

Казалось бы, всё путём — и жена верная, и сыновья толковые, и внуки-красавцы, и голова неплохо варит, и сердце стучит исправно. Ушла в прошлое служба, не докучает лишнего родня. Зато есть интернет — очень большое окно в мир, если, конечно, выглядывать в него не по пустякам, не на всякий шум.

Но всплывает откуда-то из глубины сосущее чувство неудовлетворённости и помучивает, помучивает.

Одно время считал, что вся закавыка в нехватке крутизны.

Вот бы вместо скромной садовой винодельни выстроить настоящую, с большим погребом, разбить виноградник на несколько гектаров! Или написать небольшую повесть, но чтобы все ахнули! Или встретить невероятную любовь, как в кино, с поцелуями и страстями.

Увы, денег на виноградное поместье не заработал, способности какие уж есть, а любовь непредсказуема. Не киношная получается жизнь, чего там.

Как говорят японцы, ничто не вечно, не закончено и не совершенно.

Зато наукой определены главные цели человека. Оказывается, это стремление к известности, независимости, добру, традициям. Может, без их достижения и счастья не видать?

С другой стороны, никто из людей не просил его рожать. А уж если появился на свет, то, конечно, хочется жить свободно, ни в чём не нуждаясь.

К тому же, думающему человеку труднее даются умозаключения. Перед ним всегда стоит вопрос — что вернее, точнее из множества фактов?

Например, твердят со всех сторон: надо уважать чужое мнение! А если оно втаптывается в грязь твоё, выстрадавшее? Это как возлюбить врага своего. Звучит по-библейски, благородно. А если этот враг Гитлер?

Обстоятельства, бывает, подводят к очень подлым мыслям.

И в словах дьявола может проскользнуть истина, которую ангелы замалчивают.

А самые пронзительные выводы, судя по всему, приходят под занавес.

Но сколько не размышляй — дальше тысячелетней мудрости Хайяма не пройдёшь:

*Что жизнь? Ручей блеснул на солнце*

*и где-то в чёрной трещине — пропал.*

И что остаётся человеку, Омар?

*Будь спокоен и весел, цени этот миг.*

Это проще сказать, чем сделать, о, мудрейший!

## **НУ, ЗА ЗДРАВЫЙ СМЫСЛ!**

Бездумно раскачиваться на полуденных садовых качелях мешал вчерашний случай. Вчера выкапывал малину у соседей, уехавших в город. Выбираясь из запущенной грядки, задел, и крепко, головой о толстую ветку яблони.

Это тебе за воровство, сразу нашлось объяснение. Но выкапывал с разрешения!

Тогда за жадность. Да какая там жадность! Десяток ненужных соседям саженцев для своего пустующего малинника. Это сытому хорошо рассуждать о том, что можно иной раз и не поужинать.

Тогда почему стукнулся?

Да случайно, задумался.

Ну, уж нет — раз получил по голове, значит, не без причины. Неосторожность — это не причина, а, скорее, следствие. Поэтому и последовало наказание. Ещё хорошо отделался!

Где же здесь здравый смысл?

На днях звонил однокашник. Сообщил, что купил сумку для поездки в Англию, и пожаловался, что уже полгода сидит без работы и, соответственно, без заработка. Парень явно без царя в голове.

Припомнилось немало несурзаиц.

Например, целью учёных является установить возраст Туринской плащаницы. А целью верующих — доказать, что ей две тысячи лет. Здравым смыслом здесь и не пахнет.

Враждующие стороны часто молятся одному богу. И не заморачиваются на этот счёт. И плюют заодно на здравый смысл.

Накинулись на Грету Тунберг, ставшую знаменитой юною защитницу природы — кто она такая, кто за ней стоит? Да хоть дьявол! Он тоже может сказать правду.

А вот ложь, «освящённая» веками, не становится же истиной?

И от того, что у человека нет денег, он меньше есть не хочет, скорее, наоборот.

И чтобы стать великим писателем одного пристрастия к выпивке мало...

Наконец, успокоился и стал раскачиваться на качелях.

Вскоре склонило в сон.

## **ПОЛЁТ СЧАСТЛИВЫХ БАБОЧЕК**

В конце лета гостил у приятеля, разбившего на большом волжском острове виноградник с винодельней и погребом.

После застолья уютно устроились на затенённой веранде. Хозяин вынес из погреба домашнее вино трёхлетней выдержки. Бутылка была уже почата, но на два добрых бокала хватило. Неспеша наслаждались напитком богов среди земного рая.

Нас окружали виноградные кусты с созревающими гроздьями. Взгляд охватывал часть острова с зелёными зарослями и широкую протоку. Из зарослей доносились бодрые птичьи голоса. По протоке скользила парусная яхта. И всё освещалось мягким августовским солнцем.

Уже в своём саду любовался внуками, бегающими по лужайке за порхающими бабочками. В своих белых панамках и цветных шортах они сами были похожи на счастливых бабочек.

Воробьи привычно шебаршатся, чирикают на ветках яблони.

Отнёс в малинник яичную скорлупу. Возвращаясь, привычно перемахнул ступень на сходе террасы. И ворохнулось в голове: «Сколько ещё буду вот так летать по саду?»

Выбрался из бани. С лёгким паром! Ещё бы лёгкого ветерка. Но хватило и душистого чая со свежим вареньем из малины.

Поздней осенью вернулись с женой из сада вместе с внуком Тёмой, который ходил по дорожкам и спрашивал: «Деда, а где цветы?»

Солнце выбралось из-под туч, осветило окно кабинета: всё будет хорошо!

К жене приходили в гости бывшие ученики. Весело пили чай с пирожными и безумолку говорили.

Гостил старший внук Тима, обыгравший во все игры. Выиграл он и городские соревнования по шпаге. В прошлом году был шестым. А в этом победил всех сверстников, в том числе и тех, кто год назад был впереди него.

Приехал к младшему сыну Ивану, который выписал учебную казацкую шашку и занимается фланкировкой — ловко вертит ею во все стороны.

Продолжил знакомство с годовалой внучкой Глашей — она ещё присматривается ко мне. Поиграл с котом Арчибальдом, пытавшимся царапнуть мою руку.

Отвезли Тиму в школу и махнули с Иваном в уже зимний сад. Поговорили о всякой всячине. Помечтали. И обратно.

Как живительны эти безгрешные мелочи! Душа становится мягче и свободнее. Может, в последние мгновения они всплывут в памяти и утишат горечь расставания с подлунным миром?

## СЦЕНА ПЕРЕД КАЗНЬЮ

Палач:

— Ну, русский, есть у тебя последнее желание?

— Дайте помолиться и проститься с семьёй.

— Валяй!

Русский быстро перекрестился, закрыл глаза, что-то прошептал.

— Я готов.

— Что, так скоро? Мы не торопим.

— Я не монах и не баба. А перед смертью, как у нас говорят, не надышишься.

Палач, обращаясь к своим:

— Хороший парень! Может, отпустим? Пусть идёт, куда хочет.

## ТРИ ДНЯ И ЦЕЛАЯ ЖИЗНЬ

Летом помогал сыну в его дачных хлопотах.

Двигал с ним мебель, забучивал клейкие обои, вспоминая прошлые совместные дела. Вспомнил, как учил его замешивать раствор, колоть дрова, обращаться с разным инструментом. Сын далеко обогнал меня в мастеровых умениях. Только в помощники и гожусь.

С удовольствием наводил порядок в саду. Выкорчевал пару старых вишен, прошёлся по сорнякам. У сына до этого руки не доходят.

Работали без усталости, невзирая на несносную дневную жару.

И наговорились, пожалуй, как никогда. О чём? Да обо всём!

Поздним вечером усаживались перед телевизором и смотрели «Назад в будущее», потягивая пиво.

Не знаю, что в эти безмятежные минуты происходило в голове у сына. В моей же отстаивалось не раз обдуманное.

Когда тебе за 70, старость топором висит над тобой, как ни старайся не замечать её и философствовать. Но, как сказано, — некоторые старятся, а некоторые созревают. Важно не дать дряхлому будущему омрачить ещё бодрое настоящее.

Человек постигает тайны бытия, наслаждается красотой жизни и радуется творческим порывам — чего ещё желать? Только, чтобы вынести верное суждение о чём-либо, приходится собирать в пучок слишком много впечатлений. Все и не соберёшь.

Вдруг кольнуло давно, казалось бы, известное, что смысл всякой жизни в самой жизни и заключается. И, как ни крути, после нас остаются только дети, внуки. Всё остальное ржавеет, рассыпается, приходит в забвение.

Впрочем, все эти мысли недолго ворочались в моей уставшей головушке. Она всё чаще клонилась на грудь, глаза закрывались, и я отправлялся спать, не досмотрев ни одного фильма до конца.

А утро снова дарило горячее солнце, бодрые птичьи голоса, хлопчущего с завтраком сына, и садовую, не в тягость, работу, которая, бывает, приводит к ответам на важные вопросы.

Три дня пролетели как три вдоха.

Уезжали даже с некоторой печалью.

## О ВОЙНЕ

Не уходят из памяти кадры немецкой военной кинохроники.

Из белорусской деревни вывозят молодых женщин на принудительные работы в Германию. Они стоят на небольшой деревенской площади, сбившись в беззащитную стайку. На головах у девочек будничные платки, и одеты в такую же серую одежду. Взгляд у них равнодушный. Все слёзы уже выплаканы, и страх в них растворился. На дворе глубокая осень, судя по голым деревьям и хмурому небу. Очевидно, ждут подводу или машину.

К высокой простоватой девушке пытается подойти её годовалый сын. Он тянет к ней ручонки, плачет. Его отгоняет пожилой немецкий солдат с винтовкой в руках и растерянным лицом. Мать делает к сыну несколько шагов, смотрит на него из-за конвоира, и обречённо отходит к притихшим односельчанкам.

Белобрысый мальчуган возвращается к бабушке, горестно стоящей поодаль. Руки у неё скрещены на животе, взгляд застывший, вся фигура выражает безысходность.

Потом снова идёт к матери, которая всё так же беспомощно смотрит на него из-за немца. Тот опять неуверенно машет винтовкой в сторону малыша...

## **О ЧЁМ МОЛЧАТ ДЕРЕВЬЯ?**

На прощанье захотелось побродить по саду, погладить стволы молчащих деревьев. Они могли бы о многом рассказать.

Например, о том, что торопиться, собственно, некуда.

Или о том, что не надо подвывать волкам. Лучше пощёлкать соловьём, чтобы волки от изумления хоть ненадолго перестали выть.

Как же надоели разговоры шарлатанов с дураками! И слишком активные люди надоедают. Давно замечено, что самые длинные когти хищников куда короче человеческих ножей.

Вспомнилось, как в начале весны в сад заглянул большой пёс с ошейником. Породистый, молодой, судя по выражению ещё щенячьих глаз. Молча, с достоинством смотрел в щель между створок ворот. Дал ему оставшегося хлеба и сыра — он хватал куски на лету, глотал, жевнув пару раз. Потом также спокойно, тихо ушёл. Видно, отбился пёс, потерялся.

Откуда пошло слово колокол? Не от того ли, что далёкий предок ударил кол о кол, чтобы привлечь внимание соплеменников?

Вместе с солнцем проклянулись, наконец, бутоны на яблонях. И, как по команде, воздух зажужжал.

Чтобы поддержать человека, достаточно молча обнять его.

Прочитал роман Виктора Астафьева о войне, и сразу расхотелось писать, читать и даже думать.

Как жарко в июльском саду! Ждёшь тени от облака, как глотка прохладной воды в пересохшее горло.

Обиходные молитвы японцев напоминают своей краткостью хокку. Да минуют болезни. Да сохранится покой в семье. Да будет удача в делах. Если по-нашему, то получается здравица: «За здоровье, семью и удачу!»

Бокал вина и пара ржаных тостов с творогом и листьями салата после долго рабочего дня.

Стоило поговорить с другом, как всё вокруг повеселело.

Что ещё роднит вино с искусством? Великое вино может создать безвестный винодел, а чарующая мелодия может выйти из души ещё непризнанного музыканта.

Роскошный мокрый сад под сеющим дождём.

Бог тебе судья, по сути, означает, что ты сам себе судья.

## **ДВОЕ НА БЕРЕГУ**

Рано утром на затерявшийся среди камышей дачный пляж вышли двое. Он пожилой, лысоватый, но подтянутый, крепкий. Она заметно моложе, выше его, тоже хорошо сложенная. Что-то в их слегка напряжённых взглядах говорило, что за плечами каждого из них — своя непростая жизненная история. Но вот встретились и им хорошо вдвоём. Они неторопливо подошли к берегу, доверчиво касаясь друг друга. Зайдя в воду, уже перед заплывом, поцеловались. Коротко, чувственно, нежно. Вначале нырнул и энергично заработал руками он. Потом к нему неспешно подплыла



она. Вскоре их головы над водой затерялись в солнечных бликах раскинувшейся во все стороны волжской глади.

## СТАРАЯ ФОТОГРАФИЯ

На небольшой чёрно-белой фотографии запечатлён одинокий малыш. Фотографии лет семьдесят, а ему года два. Он одет в коричневую плюшевую куртку с капюшоном и штаны в белую и серую полосы. В правой руке малыш держит железную лопатку, пальцы левой руки растопырены.

Он явно недоволен, что его оторвали от игры. Об этом говорят нахмуренные белё-ые бровки, да и всё выражение по-детски пухловатого лица. Но в глазах проглядывает любопытство. Может, он ждёт появления птички, которая, по словам взрослых, должна вылететь из объектива фотоаппарата.

Недоверчиво глядя перед собой, малыш всматривается и в своё будущее, готовое развернуться перед ним. Вскоре он уедет из родных мест, и судьба у него сложится непростая, с печалью и радостями. И он многое поймёт.

Поймёт, что тому, кто ищет, приходится блуждать, что не стоит тратить жизнь на того, кто тебя не ценит. А самое важное — научиться отделять зёрна от плевел.

И вот он, семидесятилетний, рассматривает себя двухлетнего. И у него навора-чиваются слёзы в поблекших синих глазах. О белом свете он давным-давно думает по-взрослому. А по утрам всё чаще видит в зеркале чужого человека.

Но всё это не касается малыша с игрушечной лопаткой в руках, связь с которым осталась нерушимой. Ради него он жил наперекор всему и не отступит до последнего вздоха.

И ещё он верит, что светлый образ малыша с нахмуренными бровками и пухлова-тыми щёчками, недоверчиво вглядывающегося в будущее, мелькнёт перед ним в по-следнее мгновение.

